

новления ижемского диалекта зырянского языка. К. Реден пишет о происхождении суффиксов *-an*, *-jan* в зырянском языке.

Самодийские языки представлены работами лишь трех авторов: А. Йоки (о двойственном числе в самодийских языках), И. Н. Шебестьен (о звуковых изменениях в самодийских глагольных основах) и Н. М. Терещенко (вопросы синтаксиса нганасанского языка).

Следует остановиться и на сообщениях информационного характера, содержащих сведения о крупных проблемах, над которыми работают в том или ином научно-исследовательском центре по финно-угорским языкам. На взгляд автора предлагаемого читателю обзора, информация о ведущей проблематике, а также об исследовательской методике является весьма существенной и представляет для участников конгресса значительно большую ценность, чем то или иное исследование по частному вопросу.

О сборе языковых материалов в Финляндии в послевоенный период пишет П. Виртаранта. Учитывая темпы этой работы, воспроизведение приведенных им цифровых показателей лишено смысла.

Возможности использования магнитофона при сборе лексических материалов обсуждает А. Пенттиля. В сообщении М. Муст говорится о ходе работы над составлением диалектологического словаря эстонского языка, с исследованиями в области структуральной и математической лингвистики в Тартуском государственном университете знакомит читателя Х. Рятсеп. Ш. Имре информирует о составлении диалектного атласа в Венгрии и о методике сбора соответствующих материалов. Вместе с тем следует отметить, что первая часть этого капитального труда (192 карты) к настоящему времени уже вышла из печати. Из заметки О. Пенавин можно почерпнуть сведения о ходе составления атласа венгерских диалектов, распространенных в Югославии. Сообщение Й. Келемена посвящено обозрению основных проблем венгерской лексикографии, а также тех словарей, над составлением которых работают венгерские ученые. Э. Лёринци знакомит нас с новым диалектологическим словарем венгерского языка. Об актуальных проблемах венгерской ономастики пишет Л. Папп.

ВАЛЬДЕК ПАЛЛЬ (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1969.3.14>

М. Д. Имайкина, Наречийно-изобразительные слова в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1968.

20 декабря 1968 года на Ученом Совете Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук ассистентом кафедры мордовской филологии Мордовского государственного университета М. Д. Имайкиной. Диссертация подготовлена под руководством доцента Н. Ф. Цыганова и посвящена теме «Наречийно-изобразительные слова в мордовских языках».

Мордовские языки богаты словами, придающими речи живость, образность, красочность и эмоциональность и составляющими изобразительный пласт мордовской лексики, который до настоящего

времени оставался недостаточно исследованным. Между тем проблема изобразительных слов — одна из интереснейших областей как мордовского языкознания, так и финно-угроведения в целом. Всесторонний анализ этих слов особенно важен при изучении истории мордовских языков.

Диссертация М. Д. Имайкиной в этом отношении представляет собой первое, очень ценное монографическое исследование, в котором, на наш взгляд, правильно и всесторонне решается вопрос о мордовских изобразительных словах, дается подробная характеристика их с точки зрения семантических особенностей, фонети-

ческой структуры, морфологического состава и синтаксических функций.

Выбор темы диссертации удачен. С поставленной задачей диссертантка вполне справилась. Представленная ею работа является значительным вкладом в дело изучения и развития мордовского языкознания. Анализ языкового материала приводит автора к очень интересным выводам. Это говорит о М. Д. Имайкиной как о настойчивом и трудолюбивом исследователе, тонком наблюдателе языковых явлений.

Материалы, собранные автором, по количеству и содержанию превосходят потребности оформления самой диссертации и служат значительным пополнением мордовского лексикографического фонда. Диссертант знакома с теоретической литературой по рассматриваемой проблеме не только в области финно-угроведения, но и тюркологии.

Исследуя семантику изобразительных слов (вторая глава), автор приходит к выводу, что изобразительные слова в мордовских языках представляют собой особый разряд наречий, и называет их наречийно-изобразительными словами, тем самым, на наш взгляд, правильно решая спорный вопрос о месте изобразительных слов в системе частей речи. Выделение их в особый разряд наречий обусловлено, как это доказывается в работе, особенностью семантики и морфологического состава, своеобразными словообразовательными возможностями, присущими этим словам.

Обращает на себя внимание сделанная М. Д. Имайкиной удачная классификация наречийно-изобразительных слов:

1) слова, характеризующие слуховые образы (типа *кулдор-калдор* — передающие грохотание, треск, стук и т. д.);

2) слова, характеризующие зрительные образы, впечатления (типа *луй-лай* — передающие образ легкого падения, быстрого действия);

3) слова, передающие моторные ощущения (типа *скирк-скирк* — показывающие душевную боль и т. д.).

Каждая из указанных групп анализируется на обширном и интересном материале из различных источников: художественных текстов, диалектологических записей, заметок и т. д. Примечательно,

что выявляются этимологические связи некоторых наиболее употребляемых наречийно-изобразительных слов с корнями мордовских глаголов и имен, что составляет важное отличительное свойство их в сравнении с звукоподражаниями; здесь же приведены соответствия из других финно-угорских и тюркских языков.

Интересна по содержанию третья глава диссертации, где в сравнительном плане раскрываются фонетические особенности наречийно-изобразительных слов и звукоподражаний. В этой главе приведено немало новых фактов, важных для мордовского языкознания и, возможно, для всего финно-угроведения. Интересны наблюдения и мысли автора при характеристике особенностей начала, середины и конца наречийно-изобразительных слов. Детально рассмотрены случаи звонкости в начале слова и сочетания согласных, причины их появления в наречийно-изобразительных словах.

Хотелось бы обратить внимание автора на такой факт.

Диссертант утверждает, что наличие большого количества сочетаний согласных в конце наречийно-изобразительных слов объясняется, в частности, выпадением гласного в суффиксах прилагательных субъективной оценки — *-жа*, *-ша*, *-ра*, *-ре*, *-ла*, широко распространенных в XVI—XVII вв. и не употребляемых в современных мордовских языках (стр. 146). Далее автор пишет: «Во времена продуктивности этих суффиксов сильно действовало ударение мордовского типа, когда в первом слоге оказывались *у* и *и*, а в следующем — *а*, который перетягивал ударение на себя. Безударные согласные в вышеуказанных суффиксах при словообразовании выпадали: *олажа* 'бесцветный', *олашкадомс* 'полюнуть'».

Читатель вправе спросить автора, на основе каких документальных источников сделаны такие выводы?

1. Мысль о чрезвычайной употребительности суффиксов *-жа*, *-ша*, *-ра* и др. в XVII—XVIII вв. априорна, не подтверждается письменными или другими источниками.

2. Бездоказательно также утверждение автора о действии и особенностях мордовского ударения того времени.

3. Факты выпадения гласных мы можем обнаружить не только в приведенных суффиксах. Выпадение конечного гласного при словообразовании и словоизменении — явление в мордовских языках довольно распространенное, ср., например: *ало* 'низ' — *алкс* 'постель, подстилка', *кардо* 'хлев' — *кардсто* 'из хлева', *сельме* 'глаз' — *сельмс* 'в глаз' и т. д.

Очевидно, выпадение гласных связано с особенностями конечных гласных в мордовских языках и в меньшей степени с ударением.

Четвертая глава также интересна, богата ценными, свежими наблюдениями. Здесь рассматриваются словообразовательные возможности наречийно-образительных слов. Автор констатирует, что мордовские наречийно-образительные слова имеют специфическую морфологическую структуру; выявлены наиболее распространенные словообразовательные элементы. Богат по материалу и интересен по содержанию раздел о наречийно-образительных словах как основе для образования глаголов при помощи различных суффиксов (*либор* — слово, передающее трепетание, порхание, шелест

листьев: *либордомс* 'порхать'). В целом структурные особенности наречийно-образительных слов описаны хорошо и со знанием дела.

Говоря о синтаксических функциях наречийно-образительных слов (пятая глава), автор утверждает, что исследуемые слова могут выполнять функцию сказуемого без глагола и глагольного оформления, и приводит примеры типа *поцор-поцор сельветне* 'кап-кап слезы'. В таких случаях, очевидно, следует рассматривать наречийно-образительные слова как обстоятельство образа действия, а все предложение как неполное личное, с опущенным сказуемым.

В целом диссертация М. Д. Имайкиной представляет собой серьезное исследование; основные положения и выводы автора, сделанные на основе глубокого анализа фактического материала эрзянского и мокшанского языков, окажут большую помощь при исследовании лексики не только мордовских, но и других финно-угорских языков.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

З. В. Учаев, Малмыжский диалект марийского языка (фонетические особенности). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Йошкар-Ола 1969.

Диалекты марийского языка в последнее время привлекают все большее внимание исследователей. В настоящее время марийское языкознание располагает подробным описанием целого ряда диалектов. Исследованию отдельных диалектных разновидностей посвящено несколько кандидатских диссертаций. К ним относится и работа З. В. Учаева «Малмыжский диалект марийского языка (фонетические особенности)», успешно защищенная 4 апреля 1969 года в Тартуском государственном университете. Официальными оппонентами выступили проф. П. Аристэ и канд. филол. наук И. Г. Иванов.

Работа почти полностью посвящена исследованию звуковой системы малмыж-

ского говора с точки зрения ее исторического развития. Это не первое исследование марийской фонетики в диахроническом плане. Заслуга автора прежде всего в том, что он ближе познакомил языковедов с одним из интереснейших говоров марийского языка.

Малмыжский диалект, отличающийся своеобразием, из-за отсутствия систематического описания его особенностей до настоящего времени оставался малоизученной областью марийского языкознания. Между тем эта языковая область, оказавшись изолированной от влияния литературного языка, сохранила в себе целый ряд черт, представляющих немалый интерес для исторического финно-угроведе-